

Культура. — 2005. — 17-23
Февр. — с. 14

Если разобраться, мир тесен. Нет, неверно: мир очень и очень тесен. Посудите сами — оказывается, Лев Толстой и Пушкин состояли в родстве. Точнее так: Толстой приходился Пушкину племянником, хотя и четвероградным! Это становится ясным, если взглянуть в их родословные: дед Льва Толстого, Н.С. Волконский, был женат на Екатерине Трубецкой, бабушка которой, О.И. Головина, была родной сестрой Е.И. Головиной, а это — прабабка Пушкина. Впрочем, этот факт, думается, давным-давно известен пушкинистам. А вот еще один факт, подтверждающий тесноту нашего мира.

Знакомство двух этих людей, состоявшееся летом 1942 года, пушкинисты не изучают, его не освещали газеты, и оно никак не повлияло на ход исторических процессов. И если сегодня я вспоминаю о нем, то только потому, что человек, о котором пойдет речь, имеет прямое отношение к Пушкину.

В ту пору я был, к сожалению, слишком мал, чтобы по достоинству оценить все происходящее и запомнить все детали. Сейчас я могу скорее домысливать, как это было, вспоминая лишь обрывки тогдашних своих ощущений и опираясь на семейные разговоры.

Наша семья, эвакуированная с началом войны из Москвы, осела в Петропавловске. Отец долгое время не мог найти работу, пока ему не предложили место в пресновской районной газете, которую возглавлял тогда известный писатель И.Шухов. Детей пришлось взять с собой, так как в Петропавловске кормить их было нечем.

Из воспоминаний моего отца Г.А. Римского-Корсакова о той поре:

“В Пресновке я обнаружил любопытную смесь общества. Тут были и природные сибирские казаки-станичники, и приезжие советские работники, и переселенцы, и высланные. Питаться приходилось главным образом в столовой, где качество обедов было самым низким...” И далее совсем скупое он отмечает: “Здесь, в этой столовой, являвшейся местным клубом, я познакомился с праправнучкой Пушкина... Работала она на мельнице, разнорабочей”.

Наталья Евгеньевна Воронцова-Вельяминова, урожденная Клименко, была прямым потомком А.С. Пушкина, по линии его старшего сына, генерала Александра Александровича Пушкина. Родившись в 1907 году, она застала еще и его, и его сестру Марию Гартунг (“Машку и Сашку”, как их называл в письмах к жене Пушкин). Отнюдь не по своей воле молодая, цветущая 35-летняя женщина, мать двоих детей-подростков оказалась в Северном Казахстане. Живя в юности у родственников в Польше, она после Гражданской войны оказалась отрезанной от России и всех своих близких. В 17 лет

вышла замуж за В.И. Воронцова-Вельяминова и там же, в Польше, родила ему сына, а затем и дочь. Но 1939 год все изменил в ее судьбе. По советско-германскому пакту в Польшу вошли советские войска. Начались репрессии. Муж Натальи Евгеньевны, Владимир Иванович, профессор-лесовод, тогда же сгинул в застенках НКВД, а ее саму вместе с детьми погрузили в эшелон и с партией поляков отправили на Восток. Так она оказалась в Северном Казахстане: сначала в совхозе имени Буденного, а потом в Пресновке. Без денег, без вещей, без квартиры...

Позднее Наталья Евгеньевна рассказывала, как ей пришлось научиться запрягать в телегу быков и перевозить на них разные грузы. Летом часто приходилось обходиться без обуви и ходить на работу босиком.

Можно не сомневаться, что любимец Горького и Сталина, писатель И.П. Шухов, располагавшийся с редакцией газеты “Путь к коммунизму” в самом центре станицы, как и всякий русский, уважал и даже боготворил имя Александра Сергеевича Пушкина. И если бы он знал или хотя бы мог предположить, что мимо его редакционного домика будет ходить с детьми-оборванцами нищая праправнучка великого поэта, он, можно быть уверенным, сделал бы все, чтобы, используя свое влияние в этом крае — а он его имел, и очень большое, — оказать посильную помощь и квартирой, и деньгами, и работой этой несчастной семье... Но он же ничего не знал. И поэтому себе и своей очередной жене строил

он в те годы, годы лихолетья, огромную зимнюю дачу на берегу Пресновского озера.

Через два месяца мы вернулись в Петропавловск. Перед отъездом отец помог своей новой знакомой составить письмо в Москву на имя Берии. В нем она просила о разрешении переехать, ради детей, в Петропавловск и указывала на свое родство с Пушкиным. Мы не знаем, как злобещий нарком относился к поэзии, но, как ни странно, Александр Сергеевич помог, и областное Управление НКВД очень быстро получило из Москвы распоряжение перевести Воронцову в Петропавловск и обеспечить работой, что и было сделано. В Петропавловске ее устроили в местный Военторг.

В Петропавловске Наталья Евгеньевна вскоре оказалась в кругу людей, которые, как и она, в советской жизни оставались на обочине или были гонимы ею. А таких, волею судеб, нашлось немало в столице Северного Казахстана. Это и “враг народа” С.Н. Коншин, блестящий пианист, ученик профессора Игумнова, несостоявшийся наследник владелицы особняка московского Дома ученых, — отсидев на Кольиме 7 лет, он ждал в Петропавловске своей дальнейшей участи. Это “лажи” — выпускники Пажеского корпуса, а теперь актеры местного театра, “лишущи”: князь ГИ. Кугушев с семейством и бывший дирижер придворного оркестра из Петергофа П.В. Кузьмин. Это выпускница Смольного института княгиня Н.А. Козловская, жена генерала, ру-

Ссылнопоселенка

Неизвестная страница из семейной хроники рода Пушкиных

ководителя Кронштадтского мятежа. Сам генерал в 1921 году успел уйти по льду Финского залива за границу, а его семью — кого расстреляли, кого разбросали в ссылки по Сибири. Были там и невестка начальника фештаба балерина Шапошникова, пострадавшая за знакомство с иностранцами, и с 1946 года — сестра репрессированной кинозвезды Зои Федоровой с ее дочерью Викторией. Наконец, в кассе городского парка можно было увидеть интеллигентное лицо жены музыковеда И.Ф. Бэлы Зои Константиновны и мальчика Святослава при ней, ныне известного телеведущего. Нет, нет — мир действительно чрезвычайно тесен!

Все эти люди создавали в городе тот нравственно-культурный фон, который так необходим для любого общества.

Особенно радушно и тепло встречали “ссылнопоселенку” Наталью Воронцову в стенах уютного деревянного домика на ул. Карима-Сутюшева. Его хозяйка Варвара Ивановна Ежова сама считалась в дальнем родстве с Пушкиными — ветви ее родословного древа вели к двоюродному брату отца поэта. Здесь, за толстыми стенами и высоким забором с воротами, охраняемыми злым сторожевым псом, можно было не таясь вести беседы на любые, даже самые опасные темы или полистать дореволюционные редкие книги и журналы. Хозяин дома Матвей Федорович Гаврилов, инженер с “номерного” завода, позднее, в трудные для Воронцовой дни, оказывал ей денежную помощь из своих бере-

жений, часто тайно от Варвары Ивановны.

Этот дом, который Наталья Евгеньевна в шутку называла “цитаделью”, и эту семью она не раз вспоминала с благодарностью. Это и понятно. Здесь она была по-настоящему “дома”, здесь забывались вечная неустроенность быта, беспросветная бедность и отсутствие своего угла.

В 1946 году полякам было позволено вернуться домой, в Польшу. Наталья Евгеньевна вернулась в свой польский дом не разрешили.

Лишь в 1957 году она смогла переехать в Одессу, а затем в Тбилиси. Н.Е. Воронцова не забывала своих “петропавловцев” и, конечно, Варвару Ивановну с ее “цитаделью”. С моим отцом у них идет обмен политическими, культурными новостями, книжными новинками, их связывает задушевная дружба. Вот несколько характерных фрагментов ее писем шестидесятых годов:

“Ехала одна в купе... В поезде, слушая радио, пришла к убеждению, хотя и раньше это находила, что Николай Петров (пианист) очень и очень талантлив, предсказываю ему большое будущее... Все потрясены убийством Кеннеди... По дороге, когда смотрела на жалкие домишки за окном, думала — зачем мраморное метро?”

“В Москве видела брата... Он прав в том, что все всё ругают, а каких-нибудь идеалов или хотя бы конструктивных предложений ни у кого нет”.

“Читаю довольно много... Но шансов что-нибудь достать нет. Вся надежда на Вас. Я очень хочу “Доктора

Живаго” и Моруа и если есть — “По ком звонит колокол” Хемингуэя...”

“1 мая днем, на Думе правительства, на проспекте Руставели, в двух шагах от ЦК, в двух шагах от МВД, облили бензином и подожгли портрет Ленина!!! Говорят, три студента... Что еще — приезжал Кливлендский симфонический оркестр. Одолжила деньги и ходила два раза. Это, кажется, единственный светлый момент за все время...”

“По Москве ходят в “самиздате”, как говорят, вещи Солженицына. Мне не удалось получить, но наши родные читают. Говорят, что написана замечательно. Одна повесть называется “Раковый корпус”, вторая, кажется, “Первый круг ада”. Мне удалось достать на два дня Булгакова, сатиру о собаке. Все это напечатано на тонкой бумаге и передается из рук в руки!”

“Приезжали из Парижа два моих двоюродных брата с женами. Не видела их с восемнадцатого года, когда это были маленькие мальчики. Странное чувство и влечение... Я соприкоснулась с миром, который когда-то был нашим и в котором когда-то я жила. Не скажу, чтобы это было приятно... Они не могут нас понять, хотя и пытаются, но чтобы понять, надо пережить”.

“Грузины хотели праздновать сталинское 90-летие. Это должно было происходить в Гори, но перекрыли дороги, и все обошлось. Портреты его висят у многих. Все они преклоняются перед зарпанцей, которую не знают”.

“На Страстной неделе и на Пасху была в церкви, народу очень много.

Никогда здесь так не праздновали Пасху, а зимой была прямо-таки эпидемия крестить детей. Крестили маленьких, больших и даже крестились взрослые... Сегодня в “Комсомолке” прочла о том, что издан двухтомник речей и статей Брежнев-ва!!! Это движение к вершине Олимпа, не правда ли?”

Н.Е. Воронцова-Вельяминова немало пережила своих петропавловских друзей. Скончалась она в 1992 году в Москве.

Когда я разбирал архив своего отца, я нашел всего одно фото Н.Е. Воронцовой. На плохоньком любительском снимке она стоит с дочерью Верой на берегу Черного моря и смотрит вдаль. Не знаю, специально ли фотограф развернул ее в профиль, но я опять вдруг узнал знакомые пушкинские черты, те же, что на известном его автопортрете...

Так вот, а теперь вновь к вопросу о жуткой тесноте нашего мира.

Вы не поверите, но в то время, когда по пыльным улицам Пресновки ходила обедать в столовую праправнучка Пушкина, неподалеку от этой столовой можно было видеть породистую высокую даму с цыганским типом лица, торговавшую с лотка мороженым. Эта была... правнучатая племянница М.Ю. Лермонтова, также жившая здесь в ссылке! Но об этом уж как-нибудь в другой раз.

Андрей
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ